

МИХАИЛ Успенский

АЛХИМИСТИКА Кости ЖИХАРЕВА

ЭКСМО
МОСКВА
2014

Заговор огорчённых

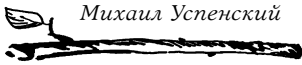
...Тьма, пришедшая со стороны то ли Белого, то ли Чёрного, а то ли моря Лаптевых, накрыла город Кислорецк. Исчезло здание мэрии, украшенное конной статуей Ивана Калиты, сгинул неработающий цветомузыкальный фонтан «Радуга изобилия», пропали антивандалные киоски с мороженым, испарились два продовольственных рынка да третий вещевой — словно и не водились такие никогда на свете.

Виной всему была очередная авария на подстанции.

Кислоречане поругались, повздыхали, да делать нечего — повалились до срока спать всем городом: авось к утру отремонтируют!

Но один-единственный объект тьма как уж ни старалась, так и не сумела накрыть.

Михаил Успенский

То был прогулочный теплоход «Кот Матроскин», что покачивался напротив здания речного вокзала. Свет хоть и с трудом, но пробивался сквозь вечно пыльные занавески музыкального салона с роялем. Мало того, оттуда ещё пробивалось душевное пение — это старался известный в городе солист Гоша Квадратик:

Вновь весна без конца и без края
Возвратилась в наши края.
Ты лети далеко, моя песня блатная,
Дорогая подруга моя!

Неподвластная подлым законам,
Ты печали мои унеси.
Ведь не зря пацаны эти звуки шансоном
Называют теперь на Руси!

Ты поведай, напев криминальный,
Как от горя седеют виски!
И запью я французской водой минеральной
Двести грамм крепкой русской тоски!

Не всегда нам сопутствует слава,
Не всегда о нас пишет печать,
Но шансон заслужил уголовное право
Днём и ночью в эфире звучать!

Он расскажет беду и удачу,
Он по-честному людям споёт,

Как любимая женщина стонет и плачет,
Как преклонная матушка ждёт!

В этой жизни скончаться не ново —
Ведь не зря беспощаден закон,
Но в эфире любого нереально крутого
Заглушаешь ты, русский шансон!

На борту теплохода собралась вся немудрящая криминальная элита Кислорецка. То есть обе организованные преступные группировки — «Мыльный завод» и «Шлакоблоки».

Вдоль причала ходили туда-сюда полицейские — то ли охраняли противоправное сборище, то ли наоборот — собирались накрыть всех одним молодецким рейдом. Поди гадай. Кислорецкие стражи порядка славились своим коварством даже в соседних областях.

«Мыльный завод» и «Шлакоблоки» люто враждовали между собой полвека, если не дольше. Дрались за каждый киоск, за каждый прилавок на рынке, за каждый мешок чужой картошки. И только очень большая беда могла заставить соперников собраться вместе.

Звали эту беду Костя Жихарев.

— Братва, достал уже этот трудный подросток своим беспределом, — жаловался ветеран преступного движения Пыпа. — Только соберётся человек лишнюю копейку заработать в поте лица, как тут же наш мальчишечка рисуется. И хватить за руку! Копчёный потом две недели щипать по трамваям не мог! Прямо человек-паук какой-то!

— Ну ты скажешь тоже — человек-паук! — возмутился Дрон, ближайший помощник Пыпы. — Человек-то паук небольшой, ладненький такой! С ним бы и я справился! А у этого кулачищи что арбузы!

— Главное, обидно: он маску не носит, прикида себе не прикинул, кликуху не залудил — это неформат называется! Прямо так, в футболке и трениках, нападает! — сказал брат Брусок-старший. — Одно дело, когда тебя какой-нибудь Человек — Шаровая Молния вырубил, а тут простой школьник...

— Этот простой школьник нас напряг через Сазонтову протоку мост чинить! — воскликнул брат Брусок-младший. — В ледяной воде по пояс! Мы все могли простудить органы и умереть!

От «Шлакоблоков» на сходняк пришли Гарик Сатана, Калмык, Гвоздик и безработный

вор-барсеточник Отарик Батумский. Безработным Отарик стал, когда барсетки (если кто забыл, это такие мужские сумочки на ремешке) вышли из моды, а освоить новую профессию бедняга так и не смог: попадался каждый раз с поличным, то застревая в форточке, то ловясь на кармане. Кислорецкий криминал жалел Отарика как инвалида профессии.

— Скинуться надо, братва, — сказал Пыпа. — От души скинуть, не прибедняясь. И нанять московского киллера Курочкина. Мне добрые люди дали телефончик. Надо по нему позвонить и спросить тоненьким голосом Надю Чебыкину из третьего «б». Ответит бабушка-связная, скажет, что, мол, ошиблись номером...

— Ты, Пыпа, в обиду не возьми, — сказал Калмык, — но вот подробностей жизни ты не знаешь. Курочкин — специалист экстра-класса, кто бы спорил. Всех исполняет и никогда не попадает. Только он, как бы сказать, таковой... чудаковатый...

— А точнее?

— Он, когда дело сделает и деньги получит, — сказал Калмык, — начинает чудить. Всех зачищает: и заказчиков, и посредников, и даже бабушку-связную. Мёртвую зону вокруг себя

создаёт — могил этак на двадцать. Потому и не попался ни разу...

— Какой же дурак его нанимает? — воскликнул Дрон, потрясённый гибелью невинной бабушки.

— Вот они самые и нанимают, — сказал Калмык. — Надеются, что успеют его раньше загасить. Курочкин так и сказал журналисту: на мой век дураков хватит! А потом подождал, пока статейка выйдет, да и... Ну, вы поняли.

Быть мёртвым дураком или журналистом никому не хотелось.

— Рукам-ногам калечить, — сказал ожесточившийся от безработицы барсеточник. — Головой пробить. Челюсть заломать...

— Вот ты и ломай, — сказал брат Брусок-младший и подвигал собственной челюстью: ладно ли срослась.

— Хоп, отставить киллера, — решил Пыпа. — Тогда будем заявление на их семейку писать в органы опеки за то, что неправильно сына воспитывают, негармонично...

— Мышцы много, а духовности с гулькин хвост! — уточнил Дрон. — Возьмёт правильного пацана за туловище и начинает этим туловищем его же братву лупить! И ещё хвалит:

хороший, мол, пацан попался, жиловатенький, надолго хватит! Где только этому подлому нерусскому приёму научился?

— А не запахло будет в органы писать? — обеспокоился Гарик Сатана.

— Нам, пацаны, теперь не до понятий, — сказал Пыпа. — Нужно как-то выживать. Или Костян — или мы.

— А переезжать надо, — подал голос специалист по сейфам Гвоздик. — Валить отсюда. Вон тамбовские как в Питере кучеряво устроились! А мы что — хуже? Ладно, на Москву не претендую, но есть же и Орёл, и Воронеж, и даже Кирово-чепецк...

Конечно, насчёт Кирово-чепецка это он погорячился, но всё-таки обозначил реальный выход.

— Вот валить — точно запахло. От корней своих оторваться, малую родину предать — да ни в жись! — сказал брат Брусок-старший. — Вся беда наша в этой проклятой богатырстике. Не должно быть такой ксивы — однако действует!

Помолчали, представив однажды увиденный страшный документ с подписями трёх васнецовских богатырей и княжеской печатью красного с золотом сургуча.

— Над нами уже смеются, — напомнил Пыпа, чтобы лучше замотивировать компанию. — Говорят, с ребёнком справиться не можем. Скоро сюда иногородние понаедут — из Нижнего Толчка, из Верхних Натоптышей или даже из самого Вкуснятина. Они-то чикаться не будут — ни с ним, ни с нами...

И он в неизбывной тоске обхватил свою лысеющую головушку синими от множества рисунков ручищами.

— А я-то на что? — раздался голос из-под рояля.

Отряхиваясь от пыли, поднялся известный уже участникам сходняка адвокат Ефрем Куковьяка. Известен он был тем, что позорно провалил захват мыльнозаводовцами деревни Малые Улёты. Не ожидал юрист появления Кости Жихарева, хотя сам был дежурным трикстером в предыдущем повествовании. Но каким-то чудом закрепился и в нынешнем...

— Бей его! — закричал горячий Дрон. — Спасибо, пригодился уже однажды, больше не надо!

— Подождите, — сказал Куковьяка и поправил узел галстука. — За сушие копеечки, за недорого найду я управу на вашего врага. Только вы с нынешнего числа откажитесь от

прежнего ремесла, в чужие дома и карманы больше не суйтесь, а вполне законно легализуйтесь...

— Это как? — удивились урки.

— А так, что вам, по размышлении зрелом, пора заняться банковским делом. И тогда граждане без напоминаний сами добровольно придут со своими деньгами. В очередь встанут, шарахаться от вас перестанут...

Урки разочарованно завывали.

— Мы, защитничек, про загасить Костю толковали, — сказал Дрон. — А ты нам какую-то диверсификацию противную впариваешь...

— И вовсе не противную, — сказал Куковьяка, — а очень даже креативную. Знайте, что в мире нету бандита страшнее кредита. Куда эффективней, чем рейд пиратский, ряд финансовых операций! Накинем свою экономическую шлейку на Костину семейку!

Его речь заглушил тяжелый всплеск и бульканье за иллюминатором. Это какие-то злые люди утопили русского шансонье Гошу Квадратика — то ли он пел недостаточно душевно, то ли услышал достаточно много. Теперь плыть певцу далече — может, в Белое море, может, в Чёрное, а повезёт — так и в море Лаптевых...

Сто лет одиночества с конфискацией

...Пройдёт много лет, и, стоя в чёрном фраке перед королём Швеции, свежий нобелевский лауреат, профессор Нил Эдуардович Филимонов, вспомнит тот далёкий день, когда два дебила-выпускника решили макнуть его башкой в унитаз...

Выпускников звали Воликов и Журов. Воликов был поздоровее, он держал ботана Филимонова по прозвищу Джульверн вверх ногами и пытался сориентировать голову его в нужном направлении. Мелкий Журов снимал происходящее на планшет, чтобы немедленно выложить в Сеть.

При этом ни тот ни другой вовсе не опасались никаких последствий: у Воликова папа был судья, а у Журова — вообще прокурор, и эти папы могли от любого жалобщика не только отбиться, но и обвиновать его самого!

